

В этом году исполнилось 100 лет со дня рождения замечательного артиста эстрады Александра Вертинского. Сегодня ни у кого нет сомнений в том, что Александр Вертинский — одно из славных имен в истории нашей культуры. А ведь не так давно отношение к нему было совсем иным...

Артист, покинувший Родину в конце гражданской войны, вернулся в 1943 году, в тяжелейшее для страны время, и один этот шаг ярко свидетельствует о его подлинной, недекларативной любви к России. Ясное понимание невозможности жить без Родины, присущее каждому крупному таланту, стремление сеять «разумное, доб-

ро за этой разгадкой и шли зрители на вечер в «Россию»: те, кто слышал певца, — с предвкушением пережитых когда-то счастливых минут, а те, кто никогда не видел его, — с желанием познакомиться с одной из легенд эстрады XX века.

...В темноте стихающего зала невятно шуршит старая запись, ни слов, ни мелодии разобрать нельзя, голос певца, «как свет умерших звезд, доходит». Луч прожектора освещает круг в центре занавеса, чем-то неуловимо напоминая круг цирковой арены. Среди небольшой выгородки из черных полотнищ, преследуемая навязчивым лепетанием поклонниц, появляется

«Я УСТАЛ ОТ БЕЛИЛ И РУМЯН»

Анастасия ВЕРТИНСКАЯ
в спектакле «Мираж»

Лит. Россия, — 1989, — 13 окт. (№11). — С. 21.

НЕ ВЕРЮ!

рое, вечное» определили в конце концов ценность такой художественной индивидуальности, как Александр Вертинский. И еще одно немаловажное его качество точно подметил современник артиста писатель Лев Никулин:

«У Вертинского было подкупающее зрителей чувство собственного достоинства на эстраде. Он не заискивал перед публикой, не ждал аплодисментов, не посылал в публику улыбок. Он знал, что в зале немало людей, считающих его жанр безыдейным и пустым, но вот кончался концерт, и они уходили, удивленные его исполнительским мастерством».

Все меньше остается людей, помнящих те незабываемые концерты, потому такое внимание привлекли вечера в Центральном концертном зале «Россия», посвященные памяти замечательного артиста. Его дочь — А. Вертинская совместно с М. Мокеевым поставила спектакль «Мираж» («Дорога русского Пьеро»), в котором исполнила главную роль. В программе спектакля она так объяснила свой замысел:

«Его песни, такие странные, такие непохожие на те, что гремели за окном, ...притягивали меня все больше и больше. Почему? Потому что я им верила...

Я хочу заглянуть в мир его творчества. Теперь я хочу прорасти в нем, чтобы почувствовать особый, странный мир его персонажей, прожить его нелегкий путь артиста, поэта, певца и истинного сына своего великого Отечества».

Однако, этот благородный и правомочный замысел дочери большого художника, безусловно талантливой актрисы, к сожалению, не получил, на мой взгляд, достойного воплощения.

И вот почему.

Драматургической основой спектакля частично послужили воспоминания самого Вертинского «Четверть века без Родины» опубликованные в журнале «Москва» в 1962 году (№№ 3—6), и необходимо сразу сказать, что их инсценировка сделана весьма поверхностно, в результате чего из воспоминаний ушло самое главное — неповторимость душевного склада артиста, его мысли об искусстве, размышления о ценностях подлинных и мнимых. Все свелось к банальному противопоставлению непонятого художника и толпы, проводимому в лоб, уныло, однокрасочно, порой даже пошло, чем никогда не грешил сам артист, своим безукоризненным мастерством завоевывавший даже противников. Откровенная слабость драматургической основы повлекла за собой беспомощность, неубедительность режиссерского решения, а то в свою очередь — ложно-претенциозное исполнение роли главного персонажа, вокруг которого и построено действие.

Таким образом все три главных компонента успеха — инсценировка, режиссура, актерское исполнение — оказались удручающе бедны мыслью и чувством, совершенно несопоставимы с великолепием подлинного мастерства Александра Вертинского и потому не вызвали ничего, кроме раздраженного недоумения: если таким было искусство артиста, то в чем же заключается очарование его таланта? Имен-

хрупкая фигурка в белом костюме Пьеро и с капризным самодовольством отвечает на лстивые реплики. Но первая же песня Вертинского — его ясный, мужественный голос, с искренней болью пропевший: «Я устал от белил и румян», обнаружил вопиющее несовпадение вычурной формы спектакля со щемящим драматизмом судьбы и творчества Вертинского, и мы мгновенно поверили свидетельству одного из его современников: «Вы поете о многом таком, что мучает нас всех».

О знаменитой песне «Я не знаю, зачем и кому это нужно» артист без всякой рисовки пишет в своих воспоминаниях так, что, даже не слыша ее, понимаешь, какой оглушающей правдой была она по сердцам современников, казалось, навсегда заскоружилим от беспощадной жестокости гражданской войны. Генерал Слащев (прототип булгаковского Хлудова в «Беге»), палач, вешатель, чье лицо напоминало «страшную гипсовую маску с мутными, широко выпученными глазами», сказал артисту неожиданные слова:

«Вы удивительно угадали, Вертинский. Это так верно, так беспощадно верно. Действительно, кому? Кому это было нужно?»

Мы все знаем и чувствуем это, только не умеем сказать. А вот он умеет! — Слащев положил руку на мое плечо. — А ведь с вашей песней, милый, мои мальчишки шли умирать. И еще неизменно, нужно ли это было? Вы правы!»

Пластика Анастасии Вертинской, чисто женская да еще претенциозно усиленная «глубокомысленными» жестами и позами (режиссер по пластике — В. Гнеушев), никак не могла претендовать на раскрытие образного мира этой трагической песни, способной разбередить душу даже не верящим ни в бога, ни в черта, осатаневшим от отчаяния людям. Сам текст, произносимый манерным голосом любимицы публики, высокопарно патетический, с проскальзывающими в нем жеманно-кокетливыми или утомленно-светскими интонациями, ничего общего не имел с благородным тоном воспоминаний самого Вертинского, человека зрелого и мудрого, оценивающего пройденный путь с беспристрастностью мастера.

Строка одной из его песен «Он был мужчиной» зримо подчеркивала противоясность формы спектакля. Не видя певца, а лишь слыша его голос в записи, мы чувствовали все, что он хотел сказать слушателям, и никакой иероглифический язык откровенно придуманной пластики не в силах был конкурировать с этим голосом. Видимо, прав Л. Никулин:

«Вместе с Вертинским умер созданный им на эстраде жанр, и сколько бы ни старались подражатели, никто не в состоянии его продолжить или повторить, потому что искусство артиста было своеобразно и он умел им владеть, как никто другой. Для этого надо было не только обладать талантом, но и прожить жизнь, полную тревожных, искушений, ошибок и поисков настоящего счастья».

Н. ОНЧУРОВА